

Гр. Капанцян
(действительный чл. АН Арм. ССР)

Основы генеалогической классификации языков и критика взглядов Н. Марра на стадиальность развития языка

Как известно, до 19-го века грамматика и филология служили у греков, римлян, индусов и арабов чисто практическими или прикладными дисциплинами, учившими правильно пользоваться литературным языком и толковать его тексты. Для грамматики, *resp.* языка, не ставилось никаких генетических вопросов, не было увязки с другими языками, мертвыми или живыми, если не считать некоторой попытки генеалогического толкования общности или родства семитических языков, сделанной в начале 17-го века. Но этот подход к возможности установления исторической общности некоторых семитических языков не стал началом развития или основания новой дисциплины в области языкознания, т. е. исторического языкознания, изучающего язык в его развитии и изменениях, в его связи с другими языками, в его происхождении и т. п. Такая возможность выросла уже в первой четверти 19-го века на основе изучения так называемых индоевропейских языков. В это время, когда капитализм переживал свой период роста и создавалась новая цивилизация, новая наука языковедения уж больше не могла быть „служанкой теологии“, она была свободна от средневековой схоластики и казуистики, а изучение языков господствующих народов Европы, естественно, сулило им большой успех, не в пример изучению семитических языков в начале 17-го века. Методология изучения индоевропейских языков с воссозданием праязыка и пр. передавалась и ученым, изучавшим родство и других типов или представителей языков, которые диаметрально отличались от этих индоевропейских языков, что, конечно, было неправильно.

Припомним положительную оценку этой новой лингвистики, как исторической дисциплины, данную Ф. Энгельсом в своем „Анти-Дюринге“ (отд. III, гл. V, изд. 1932 г., Москва, стр. 232). В своей работе о франкском наречии немецкого языка он положительно отзывался о сравнительно-историческом методе и заявляет о своем намерении заняться изучением славянских языков, но так как, по его словам, Миклошич блестяще выполнил эту работу, то он отказался от этого начинания. Эта работа была выполнена Миклошичем сравнительно-историческим методом, ставшим у Н. Марра и его „учеников“ столь одиозным в наше время. Наконец, Ф. Энгельс говорил о „материи и форме“ языка, которые должны быть исторически выявлены

в их сравнительном изучении с мертвыми и живыми формами родственных языков. Он говорит: „Материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки.“ (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Москва. 1933 г., стр. 233).

В положительном смысле оценивает сравнительно-исторический метод и товарищ Сталин, говорящий в своей работе „Относительно марксизма в языкознании“ следующее: „Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как „идеалистический“. А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра“ (стр. 28).

Как видим, сравнительно-историческое изучение языков методом сравнения (компаративизма) их языковых элементов, главным образом в лексическом (корневом), морфологическом, и фонетическом отношениях, хотя и имеет недостатки, однако выявило много ценного материала в истории развития так называемых родственных языков („Сравнительная грамматика“), как и этапов развития одного языка, начиная с древнейшего письменного его периода („Историческая грамматика“).

Метод сравнения родственных языков, беря сравниваемые их элементы в наиболее известном древнем их виде или состоянии, выявляет то общее, которое когда-то бытовало в них, как основное древнее качество (корнеслов, частицы). Метод сравнения, как единственный пока в нашем распоряжении, пригоден также для сравнения и двух и более неродственных языков, для констатации наличия *разности* той или иной грамматической категории и пр., в зависимости от их развития, мышления и степени древности вообще, что дает нам материал для общего языковедения, для глоттогонии.

Метод сравнительно-исторического анализа установил, наконец, так называемое *родство* языков, а также группы родственных языков, или как их еще называют „семьи“ языков, число которых сейчас устанавливается до семнадцати. Достаточно нам констатировать, что в известном числе языков, живых или мертвых, наличествует некоторое количество общих языковых, только им свойственных, элементов (корневых, морфологических и фонетических), чтобы считать их родственными. Обыкновенно историческое родство таких языков выводят из разветвления или дифференциации этих языков из одного источника, из так называемого праязыка, но это не всегда правильно. Родство языков может быть и продуктом дальнейшего их сближения или взаимопроникновения, благодаря способствующим их объединению, общению или влиянию общественно-политическим, этническим и политическим условиям. Во всяком случае причины родственности между языками должны быть в каждом случае конкрет-

но установлены, ибо, например, установление родства романских и родства тюркских языков не может быть одинаково трактуемо в их первопричине.

Родство языков, наконец, может быть близкое и дальнее. Например, русский язык более родственен с украинским и белорусским, чем с польским и чешским или со славянскими языками Балкан, однако все они, как общеславянские, между собой более близки, чем с балтийскими, т. е. латышским, литовским и вымершим прусским. Но и эти балто-славянские языки между собой обнаруживают сравнительно большую близость, чем каждая из этих групп к германскому, кельтскому и другим индоевропейским языкам, образующим все вместе одну общую, более или менее родственную семью языков. Это — факт, не подлежащий сомнению, и попытка некоторых лингвистов, особенно Н. Марра, отметить и не признавать родства языков, обусловленного будто бы праязыком, не выдерживает критики. Тут не при чем „праязыки“ и выводимый из них „расизм“, что с легкой руки Н. Марра и его слепых последователей приписывается сторонникам сравнительно-исторического языкознания. Во стократ прав товарищ Сталин, когда утверждает: „Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории „праязыка“. А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу. Я уже не говорю, что теория „праязыка“ не имеет к этому делу никакого отношения“ („Относительно марксизма и языкознания“, стр. 28). Как видим, эта теория „праязыка“ в устах догматиков и политиканствующих анархистов в языкознании превратилась в жупел и пугало, в своего рода одиозный плакат, с легкостью приклеиваемый к подлинным историкам-языковедам, имеющим дело с конкретно-языковыми фактами. Умозрительный и метафизический подход, без знания языковых фактов в их конкретном становлении и развитии, не научен, не историчен и не материалистичен.

Выявление родственных языковых элементов совершается по точно устанавливаемым фонетическим соответствиям, которые тем самым становятся как бы закономерными. Например, армянский язык некоторым хотя и сравнительно подчиненным (вторичным) своим слоем роднится с индоевропейскими языками, и в этом аспекте можно сравнить например арм. *ta-m* „даю“ и рус. *да-ть*, арм. *sirt* „сердце“ и рус. *серд-це* (сердиться, сердобольный и пр.), арм. *tup* „дом“ и рус. *дом*, арм. *taigr* „деверь“ и рус. *деверь*, арм. *tazn* „десять“ и рус. *десять* и т. п., причем точно устанавливается фонетическое соответствие арм. *t* русскому *д*. Но соответствие арм. *durn* рус. *дверь*, арм. *dnet* „кладу“ рус. *деть*, греч. *tithemi* (кладу) и пр. дает другую закономерность: арм. *d* из *dh*. Н. Марр пробовал было в начальный период своей языковедческой деятельности придерживаться

этих методов сравнения и установления фонетических соответствий между сравниваемыми языками, напр., в отношении установления родства между грузинскими языками и семитическими, между чаномегрельской и картской языковыми ветвями или между ними и армянскими языками, но в дальнейшем он отошел от этого и в сравнении армяно-грузинских общих элементов он впал в явный антиисторизм, когда впоследствии, напр., арм. ег'байр „брат“ сравнивал с груз. мегобари „друг“, арм. иг'дз „колдун“ с груз. мг'вдели „священник“ и т. п., забывая, что звонкий арм. г' не может соответствовать груз г или г', а вышел из старого t (лъ). Я уже не касаюсь дальнейшей эволюции Н. Марра в фонетических сопоставлениях, где поистине „все звуки переходят во все звуки“ как образно выразились некоторые ученые (Крымский, Залеман). Оставляю также его метод прокрустова ложа в искусственном сопоставлении грузинских слов с семитическими, где одногласный или двухсогласный грузинский корень он намеренно дополнял новыми предполагаемыми согласными, чтобы этот мнимый их трехсогласный вид бывшего корня сравнить с семитическими нормативными трехсогласными корнями, с преднамеренными, конечно, звукосоответствиями и изменениями. Дальнейшим венцом явились уже его злополучные четыре элемента, которые в своей звукоизменяемой эквилибристике поистине не имеют ни пределов, ни условий.

Как видим из вышеизложенного, в жизни языков может создаться и оформиться определенное основное ядро лексического и морфологического элементов, которое может исторически перераспределяться и распространяться на новые языковые единицы, на новые их представители, с сохранением определенных фонетических взаимоотношений. Эту связь, определенно выступающую в известные исторические периоды, принято называть *генетической*, а саму классификацию языков на этой основе принято называть генеалогической, т. е. классификацией по происхождению, по родству, что может быть близкой, т. е. тесной, и дальней, т. е. слабой. И если многие современные языки, включая и некоторые мертвые письменные языки, удалось генеалогически классифицировать по семнадцати группам, то это еще не значит, что все известные нам языки входят в эти или другие нам неизвестные генеалогические группировки. Кое-какие признаки в этих последних „безродных“ языках могут походить на уже определенные по родству языки, но это совершенно недостаточно, и эти отдельно стоящие языки вроде японского, баскского, сумерского, эламского и других, пока не могут быть генеалогически трактуемы и классифицируемы. Несомненно, таких языков одиночек было когда-то больше, и возможно, что и они входили в какие-то близкие общественно-исторические связи и взаимопроникновения с соседствовавшими другими, нам неизвестными, вымершими языками.

Спрашивается, а что противопоставлял Н. Марр этой генеалогической классификации, почему отвергал ее.

По ложному домыслу некоторых ученых, и в первую очередь Н. Марра, эта генеалогическая классификация будто бы создает праязыки для определенных групп языков, а сами эти праязыки легко свести к единому прапраязыку, иначе говоря, к одному языку, бытовавшему в начале человеческой речи. Но все это — их формально-логический домысел или доразвитие наличной праязыковой презумпции. Никто сейчас не настаивает на подлинно историческом существовании всех этих пранародов, праязыков и прародин, даже многие буржуазные ученые считают это химерой. С другой стороны, мы не можем отрицать определенного языкового состояния или точнее ядра с его лексикой-корнесловом, т. е. основным фондом, по выражению товарища Сталина, и определенными грамматическими элементами, наличными в этих языках. Если индоевропеисты шли по линии наименьшего сопротивления, выдвигая „праязыки“, так мы не обязаны следовать во всем этому пути, мы должны дать соответствующее конкретно историческое объяснение и обоснование. А если многое еще у нас недостает, так это еще не есть порочность методологии в обосновании родственных групп языков. Незнание многих исторических процессов — не есть еще довод в пользу отрицания родства языков с их определенным общим языковым материалом, как исходным началом.

Н. Марр, нарочито отвергая в своем „новом учении“ это генеалогически правильное обоснование родства языков, называя его шаблонно то буржуазным, то реакционным, то библейским и т. п., со своей стороны в противовес выдвинул зачинание всех языков мира из четырех вездесущих и всезначущих элементов — сал, бер, рош, йон или А. Б. С. Д., т. е. определенно их не варекая. И вот отсюда сбытовались мол все языки, как явления экономически — производственного непосредственного влияния, как надстройки над базисом, с определенно производственным общественным гегемоном и его идеологией, будет ли это коллектив магов или представителей „класса“, т. е. группы, основанной не на крови, в связи с „трудом и магическим действием“, их тотематическим, космическим или другим мышлением и т. п. Отвергая наличный общий материал в нескольких языках, т. е. то, что неудачно называем праязык, Н. Марр фактически выдвинул еще худшую концепцию космополитического всеобъемлющего порядка, а именно, единичность языкового примитива с четырьмя слово-элементами в начале человеческой речи, т. е. тот же праязык в исконно первичном состоянии, но с четырьмя звуко-комплексным членораздельным оформлением. Я, как и другие многие коллеги, принимавшие участие в дискуссии газеты „Правда“, указывали на несуразность и предвзятость этих элементов. Между прочим, таких современных нам звуковых комплексов не могло быть за сотни тысяч лет тому назад, имея в виду наличие и реликтовых звуков вдыхательного, щелкательного и клокотательного характера современных отсталых народов и племен. Наконец, ведь факт, что

обезьяны производят до двух десятков звуко-шумных комплексов, варьируя их по местам их происхождения (по лесам) и по их видам. Даже курица может дифференцировать до пяти видов свое кудахтанье, смотря по тому, зовет ли цыплят, испугалась ли она, голодна ли, снесла ли яйцо и т. д. Так, неужели первобытный человек должен был свой единый праязык марровского толка строить только на этих из пальцев высосанных звуко-элементных сал, бер, роси, йон.

Спрашивается, зачем все это понадобилось Марру? Тут, по моему, сказилось не столько наличие этих сал, бер, рош, йон и им подобных звучаний в некоторых поздних племенных именах (итал, ибер, русь и пр.), сколько желание в противовес генеалогической классификации дать на основе единой глоттогонии, новую свою классификацию, которую он окрестил „стадиальной“. Как известно, эта стадиальная классификация мало чем отличается своей номенклатурой и разрядностью, да и отчасти своей языковой сущностью, от бывшей трехчленной морфологической классификации А. Шлегеля, о чем будет сказано ниже. Но предварительно мне все же хотелось бы несколько коснуться той общей, так сказать, предстadium звукового языка, линейного или ручного языка, как трактует Н. Марр. Эту предстadium звуковой речи Марр основывал на мимике и особенно движениях руки, как первого орудия человека. Он резко отделял звуковую речь от этой ручной, тогда как они бытовали, несомненно, совместно. Движения руки, несомненно, были более частые, чем сейчас, и имели большее концептуальное применение. Но разные обстоятельства, как темнота, особая позиция говорящих при разговоре, отсутствие возможности абстрагирования или уточнения, наконец, связанность рук при работе и пр., все это настоятельно выдвигало на первое место уже не жестикуляцию рук, играющую сейчас большей частью эмоциональную роль, особенно нужную для артистов, ораторов, педагогов и др., но звуковую сигнализацию, более богатую, легкую, освобождающую руки для работы, и почти неограниченную в своем варьировании. Н. Марр явно преувеличивал роль руки как первого орудия. Но ведь первыми орудиями для общественного человека, высвободившегося из животного состояния, были те искусственно созданные из дерева, камня, кости и пр. орудия, которые и предопределили постепенное начало и развитие членикообразной речи, когда *из труда и вместе с трудом*, как говорит Ф. Энгельс, начинает образовываться речь при благоприятствовании нашего произносительного аппарата. Речь с самого начала, в процессе очеловечения обезьяны, служила орудием общения, требовалось что-то сообщить, а не являлась непосредственной частью трудового процесса или производства с „трудомagicким действием“, как толковал Марр. И напрасно последний бесчисленное количество корней современных языков сводил к слову „рука“, что так соблазняло многих современных молодых горе-последователей Марра. Уж если на то пошло, то пужно

было бы исходить, и то редко, из словотворческой роли терминов „камень“, „палка“, „стрела“ и т. п., а не умозрительно превращать слово „рука“ в новые омонимы для понятий, например, „женщина“, „вода“, „мотыга“ и т. д. и т. п.

Разговор при помощи жестикуляции рук у некоторых диких племен (индейцев, негров) я приписываю обыкновенному развлечению или искусству отличаться друг перед другом, подобно тому искусственно образованному „птичьему“ языку, на котором говорят иногда наши дети. Марровское же апеллирование к существующему применению жестикуляции рук у новобрачных молодых женщин у нас на Востоке (у армян, турок и др.) совсем не оправдывает первичности ручной речи, как, мол, реликта, а является следствием униженности женщины на Востоке, как новое социальное явление, которое ради, мол, скромности, запрещает невестам говорить во всеуслышание, т. е. звуковой речью, со своей свекровью, свекором и другими высокопоставленными особами. Но, ведь, эти девушки, вышедшие замуж, до того не применяли ручной речи. К ней прибегают люди и сейчас при незнании речи незнакомой среды, как неизбежному пока международному „языку“. В общем, как видим, теория ручной речи, выдвинутая до Н. Марра еще Вундтом, Зелинским, Клауэром и другими, не может сейчас считаться установленной, как предстания звуковой речи, и напрасно Н. Марр настаивал на ней, как на своей какой-то новой находке. Прибавим также, что о ручной речи *не говорил* и Ф. Энгельс в своей работе „Роль труда в процессе очеловечения обезьяны“. Отрицательного о ней мнения и товарищ Сталин, в своем ответе на письмо тов. Белкина.

Вернемся теперь к стадияльной классификации Н. Марра по отношению уже звукового языка как подлинного и всеобщего. Как уже выше отмечено, в основу оформления и развития всех языков Н. Марр кладет четыре первичных звукокомплекса, которые, видоизменяясь, дают оформление всему современному корнеслову языков и их частицам или морфемам. Языки же, по Марру, трансформируясь через определенные качественно разные степени их развития, дают в скачкообразном развитии разные стадии, чему способствуют параллельные резкие сдвиги в производстве труда, в связи с открытием огня, обработкой камня, в дальнейшем металла, разделением труда и т. п. Но в основу своей стадияльной классификации языков Н. Марр все же заложил, известную нам с 1827 г., морфологическую классификацию языков. Как известно, принципом такого старого деления являлось наличие частиц или их отсутствие, роль этих частиц, как и видоизменяемость самого корня. В первую „аморфную“ группу вносят те языки, которые прибегают для словотворчества и грамматической функциональности слов (реляции, категории) ко многим другим известным морфологическим средствам („технике“), но не к помощи частиц (аффиксов). Таковы, напр., языки китайской группы языков (китайский, тибетский, вьетнамский), или часть языков

суданских негров. Ко второму морфологическому типу отводят так называемые, агглютинирующие („склеивательные“) языки, где при неизменяемом корне наличны уже частицы-прилепы, выражающие порознь отдельную словообразующую или грамматическую функцию и могущие быть в количестве чуть не до десятка, и в своей придаче к корню довольно мобильны. Таковы, например, урало-алтайские (тюркские) языки, языки американских индейцев, которые называются еще полисинтетическими и пр. К третьей, наиболее развитой морфологической группе относят так называемые флективные языки, в которых уже сам корень своими видоизменениями и частицами дает наибольшую возможность формообразования, причем эти частицы и флекции большей частью более органически примыкают к корню и соединяют в себе несколько функций. Таковы языки индоевропейские, семитические. Бывают и смешанные типы языков, переходные, в роде кавказских. Делят также на языки синтетические и аналитические, которые к общей типологии могут иметь лишь побочное или привходящее значение. Но Н. Марр использовал эту морфологическую классификацию в резко тенденциозном и вульгарно-социологическом аспекте, что, конечно, нами отвергается. Он говорит: „Смены мышления—это три системы построения звуковой речи, по совокупности вытекающие из различных систем хозяйства, и им отвечающих социальных структур: 1) первобытного коммунизма, с строем речи синтетическим, с полисемантизмом слов, без различения основного и функционального значения; 2) общественной структуры, основанной на выделении различных видов хозяйства по профессиям, расслоении единого общества на производственно-технические группы, представляющие первобытную форму цехов, когда им сопутствует строй речи, выделяющий части речи, а во фразе различные предложения, в предложениях—различные его части и т. п. и другие с различными функциональными словами, впоследствии обращающиеся в морфологические элементы, с различием в словах основных значений и с нарастанием в них рядом с основным функционального смысла; 3) сословного или классового общества, с техническим разделением труда, с морфологией флективного порядка.

Н. Марр, как известно, впоследствии предложил выделять и яфетическую стадию в глоттогонии человеческого языка, стоящую в промежутке между агглютинативной и флективной стадией.

Как видим, устанавливая стадийность языков в их обусловленности от хозяйственных и общественных процессов, Н. Марр под видом материалистического обоснования этой типологической градации языков преподносит нам большой схематизм и упрощенство. Тут чрезвычайно просто и непосредственно выступает вульгарно-социологический подход в объяснении связи между языком и социально-производственными формациями с отрицанием консерватизма в грамматике с ее родами (классами) и пр., отрицания имманентности развития самих зародившихся в языке предпосылок и задатков к раз-

витию последующего ближайшего его общего состояния и т. п. и в конечном счете всего морфологического процесса. Это упрощенство и вульгаризацию стадияльной классификации Марра разоблачил товарищ Сталин в своей работе „Относительно марксизма в языкознании“. В самом деле, китайский и суданский язык негров принадлежит к первой стадияльной группе т. е. аморфно-синтетической, но значит ли это, что их общественно-хозяйственная структура и социальная группировка одна и та же. Английский язык в склонении и спряжении теряет характерные особенности флективного типа, но значит ли это, что с этой некоторой „аморфизацией“ английского языка в грамматической технике исчезает сословность или классовость данного общества.

Можно было бы анализировать развитие языка по этапу (стадии) своего начального оформления от слова-предложения или еще лучше от слова, как нерасчлененного морфологически первоначального диффузного общего предложения-мысли, наподобие наших назывных слов-представлений, и по этапу (стадии) расчлененного, т. е. членораздельного морфологического выражения или сложного слова-предложения. Для этого второго этапа первичным оформлением можно было бы представить, например, то слово-предложение, которое налично, например, в некоторых языках туземцев Северной Америки, где существует такое полисинтетическое слово-предложение, как например, *i-n-i-a-l-u-d-am* „вот-я-это-она-для-туда-подарить-пришел“, т. е. = вот я это для нее (=ей) подарить пришел. Конечно, здесь каждая морфема должна независимо входить и в другие словесные комбинации, ибо только таким путем она в своем значении может оформиться в языковом отношении и выделяться по значению, в противоположении целого ее части. Но спрашивается, можно ли доказать, что членоразделение от первичного диффузного слово-предложения шло именно по таким отдельным мелким морфемам, как можно на вид представить в этом индейском *inialudam* и пр. Скорее, по-моему, здесь эти отдельные звуки как морфемы раньше развились из отдельных слов, позже входивших в инкорпорацию соединенных и сокращенных слов-членов, как имеется, например, в адтекском языке тех же индейцев (*pi-paka-kva* „я-хлеб-ем“), подобно нашим современным нар *ком-ин-дел* и пр.

Подобное звукосокращение до одного звука из бывших целостных слов мы видим и на примере современного французского языка, где морфемы в сложении *k-è-s-kè-s-e* „что есть это, что это есть“ (= что это такое?) развились из шести отдельных полных слов. Нечто подобное можем видеть и на примерах из других языков, так что настаивать на первоначальном расчленении первичного диффузного слово-предложения на агглютинированные (полисинтетические) мелкие морфемы уже сложного слова-предложения мы никак не можем.

С другой стороны, предлагают (напр., Потенция) рассматривать стадии по цельности образа-выражения и по раздельности этого

образа, с его атрибутивностью или свойствами, призначностью. Но этот подход, как видим, не дает ключа к типизации морфологического развития языков, подобно другим данным в определенных языках мира с их разнообразным оформлением как чисто языковое явление.

Наконец, есть языковеды вроде Сепира, которые, справедливо критикуя трехчленную морфологическую классификацию А. Шлегеля, со своей стороны выдвигают более сложную классификацию, основанную не только на участии или неучастии в типизации языков морфологических частиц-аффиксов, но и на одновременном применении аналитического или синтетического строя самого языка, на принципе фузии (изменяемости) или неизменяемости корнеслова и т. п. В последнее время, особенно у нас, особенно подчеркивают в типизации языков аналитичность или синтетичность строя, но несомненно и этот подход нам не дает реально исторического ключа к пониманию развития глоттогонического процесса человеческого языка, его постепенного оформления.

Н. Марр, как и некоторые индоевропейцы первой половины 19-го века, склонны были переоценивать морфологическую классификацию языков, хотя есть и ученые вроде А. Мейе, готовые совершенно отрицать научное значение этой классификации. В такой или подобной классификации есть резонная основа, типы этих языков несомненно различные.

Связи же между ними и общественно-хозяйственными или культурными условиями непосредственно не видно. И, наконец, эти виды языковых групп располагают, каждый в своей специфике, формальными ресурсами для создания новых слов и грамматических отношений. Эта специфика может быть развита в большей или меньшей степени в зависимости от языко-строительных потребностей общества. *Главное в этом.* Товарищ Сталин писал: „Кому нужно, чтобы измания слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой?“ (И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7).

Наконец, мы не можем совершенно отрицать исторического значения этой морфологической группировки языков, как и не можем приписать разностепенную морфологическую (по Марру „стадиальную“) форму того или иного языка разностепенному развитию четырехэлементного первичного языкового ядра, заложенного по Марру во всех языках мира. Тут стадиальность не при чем. Иногда проступает как-будто связь между морфологической и генеалогической стороной типов языков, особенно в использовании морфологической типизации в деле установки общегенеалогических проблем в той или иной группе языков. Имеется несколько случаев, подтверждающих эту историческую встречу или обусловленность. Например, суданские некоторые языки применяли в именах особые частицы, указывавшие на выделение в мышлении этих негров так называемых номинальных классов, как, напр., пола, предметности, формы их и т. п.

Но когда этой оценки предметов и явлений у них уже не стало, то прежние их показатели слились с корнями, которые стали уже неделимыми, так сказать, бесформенными, и их языки из одного морфологического типа перешли в другой.

Или, например, в генеалогической классификации кавказских, малоазиатских (азианических) и семитических древних языков совсем не безразлична типизация или, лучше сказать, структура выявления той или иной общей грамматической категории. В этих языках глагольная форма в предложении указывает не только на субъекта, но и на объект, при наличии даже этого объекта в качестве отдельного слова. И хотя в семитических и азианических языках выражение объектной частицы стоит в конце глагола, однако это еще не служит признаком особой генеалогической близости между ними, ибо данных лексического и грамматического порядка в них недостает или отсутствует. То же самое отрицательное заключение относительно родства можно сделать и между азианическими и кавказскими языками, в которых объектные частицы ставятся либо на последнем месте оформленного глагола (в азианических), либо же в начале (в кавказских), при отсутствии других фактов их сближения. Но когда в урартском и хурритском азианических языках эта категорийная морфизация совпадает по местоположению и вдобавок имеются и другие обще-языковые встречи, то тут смело можем сказать, что их морфологическо-структурная формальность приобретает уже историческую оценимость для установления их общей генеалогической связи или родства.

Как видно из моего краткого обзора вопроса о классификации языков, генеалогическая классификация приобретает доминирующее значение для истории данных конкретных языков, что так несправедливо игнорировалось Н. Марром, как буржуазное или даже реакционное начало в учении развития человеческой речевой культуры. Морфологическая же классификация, в смысле определения типизации языков, неоспорима, но должна быть оценима, не в том смысле, как у Н. Марра, который считает чисто формальные типологические их вехи как бы стадиями в глоттогонии развития речевой культуры, придает этим типам скачкообразность их переходов в непосредственной функции от параллельных, общественно-производственных и культурных формаций.

Историческая ценность этой морфологической типизации, несомненно, подсобна генеалогической, и вообще представляет чисто теоретический интерес.

Вообще говоря, в связи с критикой многих положений „нового учения“ Н. Марра и в частности его отрицательного отношения к генеалогической классификации и выдвижении так называемого „стадиального“ анализа развития речевой культуры, мы не можем не отметить и некоторых смежных с этим „стадиальным“ анализом проблем или вопросов. Во-первых, такова так называемая „палеонтология,

в языке. Н. Марр часто оперирует этим термином, взятым из арсенала естественных наук. Я понимаю, когда на основании какого-либо остатка бывшего органического существа, которого мы не знали, ученые приблизительно восстанавливают общий соматический его вид, природные изклонности, приспособляемость и т. п. Но когда люди берутся за такую же задачу в решении восстановления былой формы и значения (функции) данного языкового реликта, сейчас только пережиточно представленного, то тут задача куда более сложная. Тут может быть много умозрительного или гадательного, и вполне естественно, что определение этой былой формы и ее концептуального содержания только и только может быть установлено на данных древней морфологической конструкции данного языка и его древнего мышления при соответствующем общественном строе. Марксистское толкование таких реликтов или переживаний, как и вообще этимологий любых слов и форм языка, естественно, может быть дано только на таких исторических более или менее достоверных началах. С этой точки зрения марровская „палеонтология“ как термин и особое явление есть совершенно лишнее нагромождение. И без того языкознание в одно время по методологии столь сильно находилось в плену у естествоведческих дисциплин с их терминологией.

Во-вторых, я хотел бы вкратце коснуться и некоторых сопредельных (смежных) вопросов. Сюда относится, например, и вопрос о смешивании языков. Здесь взгляды Н. Марра во многом также ошибочны, когда он игнорирует возможность полного поглощения одним развитым языком господствующего многочисленного племени или народа подчиненного слабого языка, или, например, трактует смешивание языков как равно-количественное слияние фактов двух языков, как он трактовал в одно время генетическое содержание армянского языка, как равномерное арио-яфетическое языковое состояние. Вообще же, он сильно переоценивал фактор смешения (скрещения) при разрешении генеалогических проблем в глоттогонии и развитии языка. К разрешению этих задач с подлинно-марксистских позиций подошел товарищ Сталин, подвергнув критике марровские вышеприведенные положения. Неправильно положение Н. Марра и относительно недооценки или отрицания роли миграции народов, что, как известно, общезвестный факт. А ведь это побочное явление миграции не могло не вызвать нового распределения племен и нового союза племен и в конечном итоге содействовать смешению и образованию новых народов и языков. Конкретность и историчность таких установлений генетического характера есть необходимое условие всякого научно-исторического и лингвистического подхода. Здесь общая формула и трактовка делу совсем не помогут.

Одно только можно сказать в заключение, что, став на анти-историческую чисто теоретическую базу с выдуманными четырьмя элементами и умозрительно толкуя диалектику развития языков,

как сверху насаждаемое явление, все это многолетнее научное рачение Н. Марра, его чисто механистическое самопротивоположение всем положениям индоевропейского языкознания, имевшего свои большие достижения и способствовавший их работе метод сравнительно-исторического анализа, вызвало у Н. Марра механическое антитезирование всем этим положениям и фактам. Вдобавок, трактуя все домарровское языкознание как чисто буржуазное и реакционное, некритически относясь ко многим трудам и в частности к своим „материалистическим“ установкам, Н. Марр вдавался в ученую спесь и мегаломанию с отрицанием любого вмешательства и критики. Видя в начале своего выступления по „новому учению о языке“ повсеместное почти игнорирование этого „учения“ он демонстративно придавал своим докладам ярлык „сказки“ („Бабушкины сказки“), нарочито оттеняя, например, свою склонность, скажем, к мотыге и мотыжной культуре, чем, например, к периоду создания милосской Венеры, заявляя — „долгой милосскую Венеру“. Видимо, лавры Герострата Н. Марру покоя не давали. Припомним также его утверждение об автохтонности турок в Малой Азии вопреки всем историческим данным, начиная с хеттской поры и до средних веков нашей эры. Но оставим эту историческую невменяемость Н. Марру, хотя „что написано пером, того не вырубишь топором“. Уже в последние дни своей жизни, лежа на смертном одре, он как-будто пришел к сознанию необходимости „вернуться к Кавказу“, как заявил он одному своему ученику. Это показывает, что Н. Марр положительнее оценивал свой первый период научной деятельности, имея более конкретные и исторические факты по кавказоведению, грузиноведению и арменоведению, чем во второй период, встреченный ученым миром столь отрицательно. Но, конечно, дело было уже сделано, и если Н. Марр мог еще самоанализировать себя, то его ученики, владевшие меньшими познаниями по конкретным языкам и их истории, иногда незаслуженно выдвинутые Н. Марром на передовые и ответственные посты, использовали монопольное состояние „нового учения о языке“ и былой авторитет своего учителя, стали на позиции истинной забронированности от критики, потеряв чувство добросовестности истинного ученого. Руководящая их роль форменным образом узурпировала возможность лингвистической работы, что особенно давало себя чувствовать в отдаленных просторах нашей родины, где отвергалась любая критическая мысль, или даже проблеск мысли, наперекор воле нашего вождя и нашей родины.

Нигде в выступлениях товарища Сталина не упоминалось имя Н. Марра как марксистского или передового ученого, тогда как зачастую он произносил имена Ломоносова, Лобачевского, Сеченова, Павлова, Тимирязева и др. Точно также умалчивалось имя Н. Марра и в передовицах газеты „Правда“.

Из тупика и застойности в языковедении, благодаря монополии „нового учения“ с его претензией на марксистское и советское, нас

вывел гений товарища Сталина, так глубоко и разносторонне разрешившего многие языковедческие проблемы, которые уже стали достоянием ученых нашего Советского Союза и всего прогрессивного мира. Псевдомарксизму марровского „учения“ нанесен сокрушительный удар. Как указывает товарищ Сталин— „ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Марра, внедрение марксизма в языкознание,—таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание“. („Относительно марксизма в языкознании“, стр. 29).

Работа товарища Сталина „Относительно марксизма в языкознании“ вкупе со сделанными им основополагающими указаниями и анализом многих лингвистических проблем, дадут нам, советским ученым, новую зарядку и вдохновение, а наша советская лингвистика вновь возобладает и пышно расцветет после этой освежающей грозы в знойной и затхлой атмосфере марровской лженауки и ее засилия.